

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

На ходу

Часть сборника
Детство Тёмы (сборник)

Николай Гарин-Михайловский

На ходу

«Public Domain»

Гарин-Михайловский Н. Г.

На ходу / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain»,

«Жара невыносимая. Точно огнем жжет, будто стоишь, охваченный со всех сторон пожаром и напрасно жадно ловишь живую струйку...»

© Гарин-Михайловский Н. Г.

© Public Domain

Содержание

* * *	5
I	7
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Гарин-Михайловский

На ходу

* * *

Жара невыносимая. Точно огнем жжет, будто стоишь, охваченный со всех сторон пожаром и напрасно жадно ловишь живую струйку.

Нет сил бороться. Все сдалось: последняя тучка сбежала с побледневшего неба, последний листик свернулся и осел, обессиленный палящим жаром.

Полдень.

Горсть моих рабочих вяло оставляет работу.

Привал в татарской деревне, тут же, на улице, в тени густой березы.

На чистой лужайке мечеть, разбитое стекло в высоком окне мечети, стройный минарет с тонким острием и полумесяцем наверху.

Все застыло и спит в неподвижном воздухе, и сам не то спишь, не то замер и ощущаешь предстоящую неподвижность вечности.

Вид минарета будит в сонной фантазии воспоминания о далеком юге, о царстве ислама, минаретов, заунывных призывов с них в часы тихой, безмолвной южной ночи. Вспоминается вопль наболевшей души Тартарена из Тараскона: «Али-алла! А Магомет старый плут! И весь Восток, и все львы его, и девы Востока не стоят ослиного уха!»

В мечеть тихо и торжественно потянулась толпа правоверных на молитву: праздник какой-то. Они идут мимо меня в белых намотанных чалмах, в халатах и, по временам, соприкасая ладони, смотрят на них и что-то шепчут.

Вот, подпрыгивая, спешит в мечеть выходец с того света, высохший старый скелет в чалме и халате, точь-в-точь Кашей Бессмертный, как его рисуют, с длинной козлиной бородой.

Другой – черный, как негр, татарин с плутовскими глазами, уже успевший посидеть на корточках возле меня и сообщить мне преимущества многоженства:

– Одна баба не любит... Много баб завидуют друг дружке и стараются... Больно хороша!

И, боясь, вероятно, что я не пойму его тонкой психологии, он пояснил примером:

– Иноходец живет... один когда – худа бежит... Подцепил пристяжка: айда, пошел!

Теперь мой негр идет чинно, смотрит на свои ладони, шепчет что-то, но в то же время нет-нет и весело покосится в мою сторону.

Еще и еще, и все прошли, и опять опустела и застыла в летнем зное улица.

Из окон изб то и дело выглядывают любопытные обитательницы гаремов. Увы! Они так же мало похожи на красавиц, как их неуклюжая обувь из толстой шерсти и их грязные платья мало похожи на клинчатый носок и полуобнаженный роскошный костюм тех красавиц гаремов, портреты которых иногда еще попадают где-нибудь на почтовых станциях.

Нет молодых татарок. Есть дети и старухи – эти преждевременно сорванные и завядшие цветы.

А между тем у детей в большинстве прелестные выразительные лица, которые так и тянут к себе. Присядет на корточки, смотрит своими черными, как вишни, глазами: что-то мягкое, покорное, ласкающее и чистое, несмотря на их незатейливый, очень грязный и к тому же сильно пахучий костюм. И среди этих тряпок у девочек непременно браслет – медный или под бирюзу, какая-нибудь монета болтается сзади. В двенадцать-тринадцать лет уже невеста, а в двадцать – никуда не годная недоразвившаяся старуха.

Типичны и мальчики. Этот маленький бутуз стоит, смотрит на вас, и вы уже чувствуете в нем сформировавшегося человека – совершенно готового, который никуда, ни вправо, ни влево не сойдет, который пойдет predetermined ему веками тому назад дорогой. Ребенок русского крестьянина – дитя, и в его белобрых волосах, голубых глазах столько детского, несложившегося. Ребенок татарина уже хранит в себе тысячелетнего старика с козлиной бородой, старика развратного, превращающего двенадцатилетнюю девочку в жену, молодость превращающего в старость, человека-женщину – в раба.

Нет, непривлекательна и тяжела эта татарская жизнь, и ничего симпатичного выйти отсюда не может. Женщина-ребенок – забитая раба-старуха не может создать героя, – она создаст ленивого и жадного эгоиста. В награду за этот эгоизм Магомет даст ему на том свете вечный рай с прекрасными гуриями и выбросит куда-нибудь в сорную кучу им изуродованных рабынь. Доказательство, что героев нет, налицо: из всего многочисленного племени ни один не воззвал к иной жизни, никто не стал на защиту своей угнетенной матери, жены и сестры.

Грязная девочка, вся в лохмотьях, с браслетами на тоненьких ручках, с прелестными задумчивыми глазами, в которых уже есть сознание, что почему-то и чем-то она уже скоро потянет к себе облезлые, отвислые губы какого-нибудь толстого семидесятилетнего развратника, – сидит предо мною, и ее кокетливо причесанные волосы, нарядные своим выражением и свежестью глазки резко контрастируют с ее лохмотьями. Она смотрит, и вдруг какая-то тень, точно облако на весеннее солнце, набегает на ее лицо: глаза туманятся, головка склоняется набок, и в моем немного оригинальном костюме, в моих желтых сапогах, в моей легкой шляпе художника она чувствует какую-то иную жизнь, не схожую, ничего общего с ее жизнью не имеющую.

Туманный контраст, неясные образы, как узоры замороженного окна, будят ее воображение, ее фантазия старается проникнуть куда-то. Но все это так неясно, так неуловимо, – результатом только легкий вздох да ощущение какой-то мимолетной пустоты.

И этот чудный, прелестный ребенок через два-три года уже будет изуродованной матерью... Какая гадость!..

I

Каждое лето я беру в свои экскурсии нескольких человек из своей деревни. Это – их путешествие, их отдых от прозы жизни, и надо видеть, какое наслаждение, сколько пищи дает им такое путешествие. И часто их внимательный разбор чего-нибудь нового, не схожего с их бытом, их живой интерес ко всему останавливает и мое внимание и заставляет работать мысль над тем, что при других условиях, наверное, ускользнуло бы от наблюдения. Ничего не упустят из виду, – всё заметят и отнесутся критически. В это лето я взял Авдея, Филиппа, Тимофея, Логина и Алексея.

У Авдея детские светящиеся глаза, да и весь он, несмотря на свои двадцать пять лет, еще совершенный ребенок, – мягкий, впечатлительный, жизнерадостный. Жизнь только-только еще начала накладывать на него свою тяжелую лапу: отец умер, мать-старуха осталась, жена что-то стала прихварывать. Мгновениями, когда он унесется мыслями, вероятно, домой и задумается, уставившись в одну точку, его русая выющаяся борода, небольшая сутуловатая фигурка, затылок с торчащими из-под засаленной шапки мелкими выющимися волосами – все вместе производит впечатление маленького преждевременного старичка. Но немного надо, чтобы поднять опять его настроение.

– Лес-то, лес! – шепчет он, охваченный восторгом, оглядываясь в густых сосновых борах К-ской губернии.

Ему, ничего, кроме осинника, не выдавшему, кажется весь этот бор чем-то сказочным.

– Шумит-то, шумит, как в трубе... Вот где лешим раздолье... Медведи, чай, есть же?

Авдей – поэт, и поэтому его интересует шум леса, лешие, медведи.

Зато Филипп – олицетворенная проза и сейчас же ставит вопрос на чисто практическую почву:

– Бревна четыре из каждой лесины выйдет...

Тимофей – среднее между Авдеем и Филиппом.

– К нам бы такой лес... чего бы тут было...

Худой, с темным лицом и мутными глазами, Тимофей, недавно отбывший свою солдатчину, самодовольно оглядывается.

– Живей, живей, – побуждает их всех Логин, лет тридцати отставной унтер-офицер, скромный, но с достоинством, одетый в белый пиджак: чего, дескать, время-то по-пустому вести.

Тимофей, на мой взгляд, историк. Он постоянно копается в воспоминаниях не только своих, но и отцовских, дедовских и прадедовских. Все из действительного сейчас же отдается в его голове чем-нибудь прошлым. Он умеет и любит рассказывать. Все прошлое, оттого, что оно прошлое, хорошо и заманчиво. Настоящее станет прошлым и будет тоже в свое время хорошо, а потому надо мириться с настоящим, как бы непонятно и нехорошо оно ни было. После будет и понятно и хорошо. Иногда это настоящее бывает очень невкусно, но он глотает его с такой же огорченной миной, с какой принимается невкусное лекарство: надо. Эта его гримаса очень характерна и служит часто для меня ключом к уразумению.

Филиппу лет тридцать. Он, что называется, незадачный – у него лошади дохнут, хлеб не родит и всегда какая-нибудь новая беда. Глаза большие, засели и смотрят. Здоров как бык; рыжеватая в темный цвет борода, добродушная широкая физиономия, большой открытый с белыми зубами рот. Ленив, добродушен, имеет маленькую, с лицом настоящей обезьяны жену, постоянно вспоминает о ней так же, как о своих шестерых ребятишках, с теплой удовлетворенной гордостью.

– У моей бабы нет этого... Мои дети не то что... просто, как есть... – говорит Филипп взасос и оглядывает меня и своих товарищей.

- Вот хоть барина спроси, – обращается он к кому-нибудь из местных, – я врать не стану.
- Славные детки, – говорю я.
- Ну... чего ж? вот барин говорит... Неужели врать стану?

Он вспоминает про своего Федьку, двухлетнего пострела. Впрочем, ничего почти он не сообщает про Федьку, и очевидно только, что Федька, пострел и сопляк, прочно засел в умиленном родительском сердце.

Логин, собственно, не из моей деревни и взят по протекции. Отставной старший унтер-офицер, он оказался тихим, выдрессированным, исправным работником.

Пятый работник – Алексей, разбитый жизнью, худой, высокий, весь поглощенный болезнью и постоянной нуждой.

II

Мы продолжали лежать на улице, ютясь в тени березы.

Тимофей лежал на животе, рассеянно собирал соломинки, совал их в рот и подыскивал тему для разговора. Не говорить ему так же тяжело, как другому говорить.

– Я грамотный... я страсть как охоч до грамоты. У нас старший унтер был, как не то слово – не так. Опять сызнава. Я устав это или тоже божий закон так, бывало, без запинки, слово в слово до самого Иосифа прекрасного, так и говорю... Страсть охоч был... Бывало, два раза прочитаю – все помню... Больно ловок был.

Тимофей даже глаза закрыл от удовольствия.

– Я не только что устав, а и божий закон... Я страсть сколько читал.

– Что же ты читал?

– Про Суворова.

– Ну?

– Хорошо... Все как есть описано... Как он солдатом был, как его Екатерина повстречала; очень уж ей понравилось, как он чисто, значит, на караул ей сделал. Она ему сейчас рубль золотой... А он ей: «Нельзя мне рубль взять, потому что я на часах... Ежели уж охота, так положи, значит, на лавочке рубль, или там по начальству отдай, – окончу дежурство – возьму...» Тут она сейчас его в офицеры приказала... Так все это описано ловко!.. Набрал он человек пятьдесят и из пушек неприятельских ночью да в них же, да крепость турецкую и взял. Тут его генерал расстрелять приказал; он, не будь глуп, – к Екатерине письмо. Тут она и отписала генералу: «Не вы, дескать, а я его сыскала и в офицеры пожаловала, а вы и власти иметь не можете над ним, и как бы он еще вас не пристрелил...» Ей-богу! да в генералы его... А он хоть и генерал, да что солдату, то и ему подавай, – все с солдатом, все сообща... Ну и надеялись на него войска – никого не надо, подавай Суворова, и шабаш...

– Ты в последней турецкой кампании не был?

– Нет... Только и было, что умиряли поляков. В Люблине бунт был...

– Какой бунт?

– Их ксендз нашего православного, значит, в свою веру окрестить тайком вздумал... Собрал народ в костел и айда крестить. Тут полиция разнюхала – тревогу. Так и так, крестят в свою веру православный народ... Поляки за камни... не дают, значит... Тут за нами... Стрелять не стреляй, а что если будет – в штыки. Тревогу. Дело праздничное: барабанщик пьяный... выскочил на снег без сапог – тревогу забил... Мы выскочили – что такое? Оробели, думали – австриец, а нас в Люблин повели. Пришли ночью... Поставили нас на площади. Поляки в нас камнями... Тут ближе да ближе... Один схватил мое ружье; ну, я не стерпел, как пырну его штыком... Потому, что ежели ружье взять, – это вроде того, что как позор, терпеть уж нельзя. Сейчас мне ротный: «Правильно, говорит, твою честь замарал». А другой ведь со службы уйдет: дурак был, дураком остался... Или ежели, к примеру, ты вот стоишь, а он идет: «Кто идет?» Молчит. Сейчас его другой раз, а за третьим стрелять должен.

– Да ведь он глухой, может? – спросил Филипп.

– Не ходи.

– Вишь ты!

– И все это неправда насчет поляков, что в свою веру сманивали, – проговорил вдруг рабочий, одетый в пиджак и шляпу.

– Неправда, потому что сам поляк, – прошептал Алексей.

– Да хоть и поляк... у вас насильно кого крестят?

– У нас, известно, нет, – отвечал гордо Тимофей.

– У татар поворачивают силком?

– Я про татар не слыхал.

– Значит, мы хуже татар выходим?

– Известно, хуже. Как же это, человека православного... – Поляк только плюнул.

– Да кому надо-то вас крестить? Мало своих у нас?

– Знамо, мало, коли понадобилось.

Поляк молчал.

– Так просто на смех вам одно это сказали: видят, что дураки, что ни скажи – все поверят... вот и сказали.

– Поверят?! – сомнительно протянул Филипп. – Небось не больно-то поверят.

– Да вот же поверили?

– Поверили? Чудной ты человек, – поверили, потому что правда.

– Правда?! – с горечью повторил поляк. – Вот сейчас про докторов говорят, что они холеру разводят. Правда, значит?

– А ты как думаешь? – горячо заговорил Филипп. – Он тебе, чуть хворь, сейчас даст: дескать, не разводи заразу. А другой тоже и жив бы остался!

В мечети кончилось. Татары обступили нас.

– Травят доктора~, – проговорил похожий на негра. – Я в городе был... Болен не болен, только заявись ему, значит: сейчас палец с известкой всунет, покрутит-покрутит там, сейчас человек упал, кончал...

– Вишь, чего делают, – раздраженно проговорил Алексей.

– Полно вам глупости-то говорить, – вмешался поляк. – Необразованность ваша одна. Для чего ж вас зиму всю кормили? чтоб потом отравлять? так оставили бы, зимой и без того подошли бы все.

Наступило молчание.

– Просто, ей-богу, подошвы да и только, – проговорил поляк, обращаясь в мою сторону.

Я лежал с закрытыми глазами.

– Слушать ведь совестно.

Рабочий-поляк, еще молодой человек, какой-то забулдыга, производил очень симпатичное впечатление своей худой, скромной и в то же время интеллигентной физиономией.

– Ловко как это все у вас выходит, – проговорил Логин и высоко поднял свои брови. – Хорошо вы всё это одно к одному понимаете и за дураков нас считаете, а всё будто, как и мы, дураки, ничего лучшего не придумали, как с нами же, дураками, ту же работу делать.

– Не в этом сила.

– А вы тише! барин-то спит, – сказал Логин.

Наступило молчание.

Я открыл глаза.

Татары, дети обсели нас со всех сторон.

– Эх, дух какой... Маханщина, – сплюнул Тимофей и вышел из круга.

Он скоро воротился и проговорил:

– Вы бы хоть расступились, чтоб воздух доходил до барина... вовсе ведь смрадно...

Татары только молча сдвинули брови. Смрадно-то было смрадно, но у меня духу не хватало их разгонять: я подышу их смрадом да и уйду, а они останутся, и очень сомнительно, чтоб скоро обстоятельства позволили им не жить в том смраде, в каком они действительно живут. Бедность, нужда, грязь, тараканы, вонь... В сущности, впрочем, то же, что и в русских деревнях. В избе телянок, овца здесь и там, таракан здесь, таракан и там.

Тем не менее русский человек обидится, если провести такое сравнение.

– Как же сравнить? – брезгливо отозвался как-то Филипп, – что крещеная изба, что нехристи...

– Маханщики, – добавил Алексей и сплюнул. – А дух-то...

– Телом грязные, оттого и дух, – объяснил Логин. – В баню они плохо ходят: свиньи настоящие, и дух у них оттого нехороший.

– Известно, от этого, – согласился Филипп. – Опять же конину, махан едят, – от этого тоже.

– Ве! – проговорил Тимофей и с омерзением сплюнул.

А этот самый Тимофей, поймав таракана, в сваренных в какой-то православной деревне щах, долго рассматривал его и проговорил с сожалением:

– Разварился, сердечный, – половина осталась, остальная половина по нашим брюхам разошлась!

И никто от мысли, что проглотил по кусочку таракана, не поморщился даже.

– А что, твое благородие, скажи правду, кормить станут нынче зимой? – спросил один татарин, и все насторожились.

– Да у вас, кажется, урожай...

– Ничего нет. Ветром всю рожь выбило. Только что трава на К-ке, а земля ничего не стоит... вся отбилась...

– Отбилась? – раздраженно проговорил Алексей. – Две недели до сева, а у вас парить еще не начинали... Как ей не отбиться, сердечной?

– Да ты хоть парь ее, хоть не парь...

– Вовсе опустилсЯ народ...

– Тебе что? ты кормить будешь?

– А то кто ж? – вмешался поляк. – Денег дай, а с кого их взять?

– Денег наделают, – брать и не надо.

– Вот на что надеется, – проговорил Логин. – Люди вон назмят, а у вас так навоз-то валяется...

– Хоть ты ее назми, хоть не назми... Теперь скотину всю кончал, нет назма, у русского, и то нет...

– Вам же дали лошадей?

– Две на деревню дали... спасибо...

– А что, твое благородие, – вызвался другой татарин, – скажи правду, кормить нынче станут?

– Я слыхал, – ответил я, – что пошлют посмотреть: у кого земля пареная вовремя да навоз возят, – того, если не уродило, кормить станут, а у кого нет, – тот иди куда знаешь, – значит, не работник на земле.

– Мы бы все ушли, да лугов жалко. Всю землю бери, луга только бы оставил.

– Луга, известно, – проговорил иронически Алексей, – их не сей, не паши, да и косить-то не надо, только бы уродило, денежки принесут.

– Известно, принесут, – усмехнулся татарин.

Моих тяжело оскорбила готовность отречься от земли.

Когда мы, отдохнув, двинулись опять вперед, они снова возвратились к поднятой теме.

– Ишь, собака, чего брешет, – говорил Алексей, – земли им не надо.

– Земли не надо, – повторил Авдей и в раздумье покачал головой.

– Татарин он татарин и есть, их бы вот к ротному нашему, он бы их живо... – сказал Тимофей.

Когда мы проходили мимо татарского парового поля, Алексей обратил внимание:

– Ты гляди, сев подошел, а у них земля не парена. С чего ж тут родить ей?

– А земля-то, земля серенькая, – говорил Авдей. – Наша черная.

– Ну как же нашу равнять, наша черная, – убежденно повторил Тимофей.

– Только и всего, что будто избами вышли, – заметил Тимофей.

– Экий ты, братец мой, – с сердцем проговорил Филипп. – У нас будь этакой лес, разве не такие же избы поставили бы?

– Лучше еще, – удовлетворенно согласился Тимофей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.